

ПРОЛОГ

Лос-Анджелес, 1990 год

Она резко нажала на тормоза и врезалась в бордюр. Радио продолжало орать как сумасшедшее. Она прижала ладони ко рту, сдерживая нервный смех, — взрыв из прошлого, как только что заявил диск-жокей. Взрыв из ее собственного прошлого! Из динамиков все так же гремел рок: «Разрушители» отрывались на полную катушку.

Как ни странно, мозг продолжал отдавать приказы, словно ничего не случилось: выключить зажигание, выдернуть ключ, распахнуть дверцу... Близились ночь, было жарко, но ее била крупная дрожь. После недавнего дождя температура снова повысилась, и тротуар буквально парил. Она побежала сквозь влажную дымку, лихорадочно осматриваясь по сторонам.

Вокруг потемки. Она уже почти забыла о том, что может таиться во тьме. Распахнула двери, и шум стал громче. Лампы дневного света слепили. Она продолжала бежать, сознавая только, что ее преследует страх и что кто-нибудь, кто угодно, обязательно должен выслушать ее.

Пробежала по коридору, слыша, как отбивает гулкий ритм сердце. Здесь одновременно звонили никак не меньше дюжины телефонов; голоса сливались в нестройный гул жалоб, криков, вопросов. Кто-то негромко, но безостановочно сыпал проклятиями. Она увидела двери с надписью «Отдел по расследованию убийств» и подавила уже готовый сорваться с губ всхлип.

Он сидел за письменным столом, откинувшись в кресле, плечом прижимая к уху телефонную трубку. Одна нога его покоилась на книге регистрации произведенных арестов, с порванной обложкой. Пластмассовый стаканчик с кофе замер на полпути, не донесенный до губ.

— Пожалуйста, помогите мне! — взмолилась она, обессиленно опускаясь на стул напротив. — Кто-то пытается меня убить.

ГЛАВА 1

Лондон, 1967 год

Эмма впервые увидела отца, когда ей исполнилось уже почти три года. Она знала, как он выглядит, потому что мать сохранила его фотографии, тщательно вырезая их из газет и глянцевого журналов и развешивая повсюду в их тесной трехкомнатной квартирке. Джейн Палмер часто носила свою дочь Эмму от одного снимка к другому — они висели на стенах, изуродованных потеками воды, или стояли на пыльной рассохшейся мебели — и рассказывала ей невероятную историю любви,

разыгравшейся между нею и Брайаном Макзвеном, солистом модной рок-группы «Разрушение». Чем больше выпивала Джейн, тем ярче становилась эта любовь.

Из того, что ей рассказывали, Эмма, конечно, понимала совсем немного. Она знала, что мужчина на фотографиях — важный человек, который вместе со своей группой играл для самой королевы. Она научилась узнавать его голос, когда его песни звучали по радио или когда мать ставила на проигрыватель одну из «сорокапятков» — пластинок, которых у нее было великое множество.

Эмме нравился его голос, в котором, как она узнала позже, звучал слабый ирландский акцент.

Кое-кто из соседей неодобрительно цокал языком, поминая бедную девочку с верхнего этажа и ее мать, имевшую слабость заглядывать в бутылку с джином и отличавшуюся неуравновешенным нравом. Иногда до них доносились проклятия, которые пронзительным голосом выкрикивала Джейн, и плач Эммы. Тогда они поджимали губы, а дамы обменивались многозначительными взглядами, выбивая ковры или развешивая белье после недельной стирки.

Как-то в самом начале лета 1967 года, лета любви, они так же качали головами, слыша плач маленькой девочки, доносящийся из открытого окна квартиры Палмеров. Большинство сходилось на том, что Джейн Палмер никак не заслуживает такой славной девчужки, но разговорами между собой дело и ограничивалось. В этой части Лондона никому бы и в голову не пришло обратиться по такому поводу к властям.

Разумеется, Эмма еще не знала таких слов, как «алкоголизм» или «аффективное расстройство», но даже в возрасте трех лет она была уже экспертом в том, что касалось настроения матери. Она знала, когда мама будет смеяться и обнимать ее, а когда бранить и шлепать. Если атмосфера в квартире становилась особенно накаленной, Эмма, в обнимку со своей плюшевой черной собачкой Чарли, забиралась в тумбочку под кухонной раковиной и там, в темноте и сырости, переживала очередной приступ бешенства матери.

Но бывало, она оказывалась недостаточно проворной.

— Сиди смирно, Эмма! — Джейн с силой провела щеткой по светлым волосам дочери. Стиснув зубы, Джейн старалась подавить неудержимое желание отшлепать девочку по мягкому месту. Нет, сегодня она не выйдет из себя. Только не сегодня. — Я сделаю из тебя настоящую красавицу. Ты ведь хочешь выглядеть по-особенному красивой сегодня, не так ли?

Эмме не слишком-то хотелось выглядеть «по-особенному красивой», когда щетка матери царапала кожу на голове, а тело от накрахмаленного платья начинало чесаться. И потому она продолжала ерзать на стуле, пока Джейн пыталась перевязать ее непослушные кудри лентой.

— Я сказала, не дергайся. — Эмма взвизгнула, когда пальцы Джейн больно впились ей в шею под волосами. — Никто не любит грязных непослушных девочек.

Сделав два долгих вдоха, Джейн ослабила хватку. Она не хотела, чтобы на теле дочери остались синяки. В общем-то, она любила ее. Правда. Да и Брайану, если заметит синяки, это очень не понравится.

Стащив дочку со стула, Джейн крепко вцепилась ей в плечо.

— А ну-ка, перестань дуться, девочка моя. — Но результатом она осталась довольна. Эмма, со своими выщипанными белокурыми волосиками и большими голубыми глазенками, походила на избалованную маленькую принцессу. — Взгляни-ка вот сюда. — Прикосновения Джейн вновь обрели нежность, когда она развернула Эмму лицом к зеркалу. — Ну, скажи, ты ведь выглядишь просто чудесно, правда?

Но Эмма упрямо надула губки, рассматривая себя в потемневшем от времени зеркале. В ее речи явственно прозвучал унаследованный от матери простонародный акцент, к которому добавилась забавная детская шепелявость.

— Оно чешется, — пожаловался ребенок.

— Леди должна стойко переносить неудобства, если хочет понравиться мужчине.

Собственный черный корсет для похудения больно впивался в тело Джейн.

— Почему?

— Потому что это — черта поведения каждой женщины. — Она повернулась, внимательно проверяя, как выглядит с одного бока, с другого. Темно-синее платье облегло все впечатляющие изгибы и выпуклости ее тела, подчеркивая пышную грудь. Брайану всегда нравились ее груди, вспомнила она и мгновенно ощутила сексуальное возбуждение.

Господи, ни до, ни после Брайана она так и не встретила никого, кто мог бы сравниться с ним в постели. В нем пылал неутолимый, дикий голод, который он умело скрывал под внешней холодностью и высокомерием. Она знала его с самого детства и оставалась его любовницей на протяжении десяти лет. Они то расставались, то вновь сходились, но никто, Джейн была уверена, лучше нее не знал, на что способен Брайан в момент наивысшего возбуждения.

Она позволила себе пофантазировать — всего на миг! — как это будет, когда он станет медленно снимать с нее платье, пожирая ее глазами, когда его тонкие и сильные пальцы музыканта примутся расстегивать отделанный оборками корсет. Им было так хорошо вместе, вспоминала она, чувствуя, как становится мокрой. А скоро им станет еще лучше.

Отгнав приятные воспоминания, она взяла щетку и стала расчесываться сама. Последние деньги, предназначавшиеся для покупки продуктов, Джейн потратила в парикмахерской, выкрасив свои длинные, до плеч, волосы в тон кудряшкам Эммы. Тряхнув головой, Джейн полюбовалась, как они волной колыхнулись из стороны в сторону. После сегодняшнего дня ей больше никогда не придется беспокоиться о деньгах.

Губы ее были аккуратно подкрашены бледно-розовой помадой — в точности того же тона, который она подметила у супермодели Джейн Эшер на обложке последнего номера «Вог». Немножко нервничая, она схватила черный карандаш и чуть сильнее подвела уголки глаз.

Эмма как зачарованная наблюдала за матерью. Сегодня вместо джина от нее пахло одеколоном «Тигрица». Девочка робко потянулась к тюбику губной помады, но тут же заработала резкий удар по рукам.

— Не лезь, куда не просят! — Мать еще раз шлепнула Эмму по руке. — Разве не говорила я тебе, чтобы ты не смела прикасаться к моим вещам?

Эмма покорно кивнула. Глаза ее уже наполнились слезами.

— И не вздумай реветь. Я не хочу, чтобы он впервые увидел тебя с покрасневшими глазами и опухшим лицом. Вообще-то, ему уже пора быть здесь. — В тоне Джейн зазвучали нотки, слышав которые, Эмма осторожно попятилась прочь. — Если он не придет с минуты на минуту... — Джейн оборвала себя на полуслове, прикидывая варианты и между делом разглядывая себя в зеркале.

Она была довольно крупной девушкой, никогда, впрочем, не склонной к полноте. Да, платье, пожалуй, и впрямь выглядело слишком уж вызывающим, но зато облегало ее так, как нужно, в самых интересных местах. Может, в моде нынче и были худышки, но она-то знала, что после того, как погаснет свет, мужчины предпочитают упитанных и фигуристых женщин. Она слишком давно жила за счет своего тела, чтобы сомневаться в этом.

Уверенность Джейн лишь окрепла, когда она вновь оглядела себя с ног до головы и решила, что напоминает моделей со светлой кожей и недовольным выражением лица, которые сейчас считались последним писком моды в Лондоне. Только ей недоставало ума понять, что новый цвет не шел ей, а прямые волосы лишь придавали угловатости и резкости ее чертам. Она просто хотела быть в тренде. Как всегда.

«Скорее всего, он мне не поверит. Ну и пусть. Мужчинам никогда не нужны их собственные дети». Она пожалала плечами. Уж она-то своему отцу была не нужна точно — до тех пор, пока у нее не начали наливаться груди.

— Запомни, малышка. — Она окинула дочь оценивающим взглядом. — Мужчинам не нужны сопливые детишки. Да и женщины им требуются для одной-единственной цели, и ты скоро узнаешь, для какой именно. Добившись своего, они уходят, а ты остаешься с большим животом и разбитым сердцем.

Достав сигарету, она стала резко и судорожно затягиваться ею, расхаживая по комнате. Джейн жалела, что это не травка, сладкая, успокаивающая травка, но деньги, отложенные на наркотики, она истратила на новое платье для Эммы — одна из тех жертв, на которые приходится идти матери.

— Что ж, быть может, он и не захочет признать тебя, но одного взгляда ему будет довольно, чтобы понять: ты — его дочь.

Прищурив глаза от дыма, она вновь окинула Эмму внимательным взглядом. Ее вдруг охватил прилив нового чувства — материнской... почти любви.

Малютка и впрямь была красива, как ангелочек, особенно умытая и причесанная.

— Ты точная его копия, крошка Эмма. В газетах пишут, он собирается жениться на этой шлюхе Уилсон — большие деньги и манеры напоказ, — но это мы еще посмотрим. Точно тебе говорю — мы еще посмотрим! Он вернется ко мне. Я всегда знала, что он вернется. — Нервным движением Джейн затушила окурков в старой пепельнице с отбитым краем, оставив его дымиться. Ей нужно было выпить — всего один глоток, чтобы успокоить нервы. — Сиди на постели, — приказала

она. — Сиди смирно, чтобы я тебя не слышала. Только попробуй полезть в мои вещи — здорово пожалеешь.

Она успела дважды приложиться к бутылке, прежде чем раздался стук в дверь. Сердце гулко забило в груди. Подобно большинству алкоголиков, после первого глотка спиртного Джейн чувствовала себя привлекательнее и увереннее. Пригладив волосы, она наклеила на лицо улыбку, которую считала страстной, и отворила дверь.

Он был красив. Какое-то мгновение, в ослепительных солнечных лучах, она видела только его, высокого и стройного, со вьющимися светлыми волосами и полными не улыбочивыми губами, которые создавали облик поэта или апостола. Пожалуй, она все-таки любила его настолько, насколько способна была любить.

— Брайан. Как мило, что ты решил заглянуть к нам!

Улыбка ее тут же увяла, едва она разглядела еще двух мужчин у него за спиной.

— Что, Бри, — сощурилась она, — теперь ты предпочитаешь ходить в гости всем кагалом?

Парень пребывал не в настроении для шуток. Он кипел от злости из-за того, что его заставили вновь увидиться с Джейн, в чем винил своего менеджера и невесту. Теперь, когда он оказался здесь, ему захотелось убраться отсюда как можно скорее.

— Это Джонно, ты должна помнить его, — едва кивнул Брайан на одного из своих спутников и шагнул внутрь. Смесь запахов — джин, пот и подгоревший жир от вчерашнего ужина — неприятно напомнили ему собственное детство.

— Еще бы! — Джейн коротко кивнула долговязому и неуклюжему бас-гитаристу, на мизинце у которого красовался перстень с бриллиантом, а еще он щеголял темной густой бородой. — Кое-кто из нас наконец-то вышел в люди, а, Джонно? — подмигнула она музыканту.

— М-да, каждому свое, — обвел взглядом Брайан грязную квартиру.

— Это Пит Пейдж, наш менеджер, знакомься, Джейн, — кивнул он на третьего гостя.

— Мисс Палмер. — Гладкий и прилизанный тип лет тридцати одарил ее ослепительной белозубой улыбкой и протянул наманикюренную руку.

— Я много слышала о вас. — Она вложила свою руку в его ладонь и отступила, приглашая поднести ее к губам.

— Вы сделали из наших мальчишек настоящих звезд. — Он признательно склонил голову и выпустил ее руку. — А я всего лишь приоткрыл несколько дверей.

— Выступление перед королевой, концерты по телику, новый альбом вышел на первые места в хит-парадах, а тут еще и большое турне по Америке. — Она перевела взгляд на Брайана. Теперь он носил длинные волосы, которые ниспадали почти до плеч. Лицо его выглядело исхудавшим, бледным и чувственным. После выхода второго альбома — «Полное разрушение», который возглавил музыкальные чарты, — его портреты украсили стены тинейджеров по обе стороны Атлантики. — Ты получил все, что хотел.

— Верно, — кивнул Брайан. Черта с два она заставит его терзаться чувством вины из-за того, что он чего-то добился в жизни.

— Да, кое-кто из нас получает больше, чем хочет. — Она тряхнула головой, откидывая назад длинные волосы. С позолоченных сережек-шариков, покачивавшихся у нее в ушах, облезла краска. Она вновь улыбнулась, стремясь произвести впечатление. Ей было двадцать четыре, она по-прежнему была на год старше его и потому считала себя куда опытнее и искушеннее. — Я бы предложила тебе чаю, но никак не рассчитывала, что вы явитесь такой компанией.

— Мы пришли не чай пить. — Брайан сунул руки в карманы своих джинсов с низкой талией. Угрюмое выражение, застывшее у него на лице во время поездки сюда, стало еще выразительнее. Да, он был молод, но быстро выросл. А еще у него не было ни малейшего желания позволить этой старой, пропахшей джином одиночке втянуть себя в неприятности. — На этот раз я не стал обращаться в полицию, Джейн. Но, если ты и дальше будешь названивать мне, писать письма с угрозами и пытаться шантажировать, честное слово, я это сделаю.

Ее сильно подведенные глаза прищурились.

— Если хочешь натравить на меня фараонов — вперед, приятель. Посмотрим, придется ли по вкусу твоим маленьким фанам и их чопорным родителям история о том, как ты сделал меня брюхатой. Или о том, как ты бросил меня и нашу бедную маленькую дочурку прозябать в нищете, а сам купался в деньгах и жил на широкую ногу. Что вы на это скажете, мистер Пейдж? — перевела она глаза на менеджера. — Полагаете, что сможете после этого устроить Бри с ребятами еще одно выступление перед королевской фамилией?

— Мисс Палмер. — Голос Пита прозвучал ровно и спокойно. Он уже много часов ломал голову, обдумывая сложившееся положение и взвешивая все «за» и «против». Но ему хватило одного взгляда на эту женщину, чтобы понять: он лишь зря потратил время на размышления. Ответ на все вопросы оказался прост — деньги. — Уверен, вы не хотите, чтобы ваше грязное белье стирали на людях. И я не думаю, что вам стоит бросаться обвинениями в том, что вас оставили одну, ведь ничего подобного не случилось.

— Вот оно что! Брайан, он твой менеджер или чертов адвокат? — едко ухмыльнулась Джейн.

— Когда я ушел от тебя, ты еще не была беременна, — мрачно ответил Брайан.

— Да я просто не знала о том, что беременна! — выкрикнула она, хватая Брайана за отвороты его черной кожаной жилетки. — Только через два месяца я убедилась в этом. А к тому времени ты уже благополучно свалил. Я не знала, где искать тебя. А ведь могла избавиться от ребенка. — Она еще крепче прильнула к нему, когда Брайан попытался разжать ее руки. — Я знала людей, которые могли бы это устроить, но мне было страшно, я испугалась этого сильнее, чем самой беременности.

— Итак, у нее родился ребенок. — Джонно присел на подлокотник кресла и достал сигарету «Голуаз», которую прикурил от тяжелой золотой зажигалки. За прошедшие два года он обзавелся весьма дорогими, но такими удобными привычками. — Это еще не означает, что он — твой, Бри.

— Ребенок — его, гребаная ты шестерка! — крикнула она в лицо бас-гитаристу.

— Какие громкие слова. — Джонно невозмутимо затянулся сигаретой, после чего небрежно выдохнул дым прямо ей в лицо. — А ты ведешь себя как самая настоящая леди, верно?

— Помолчи, Джонно. — Голос Пита оставался негромким и спокойным. — Мисс Палмер, мы здесь для того, чтобы уладить этот вопрос без лишнего шума.

«Ага», — подумала она, это и был ее козырной туз, который она держала в рукаве!

— Держу пари, что шум вам совсем ни к чему. Ты же знаешь, Брайан, что тогда у меня никого не было, кроме тебя. — Она плотнее прильнула к нему, вжимаясь в него грудью. — Помнишь то Рождество, когда мы были вместе в последний раз? Мы были под кайфом и потому немножко пошалили. И не предохранялись. И поэтому в следующем сентябре Эмме исполнится три годика.

Он помнил об этом, хотя и предпочел бы забыть. Тогда ему было девятнадцать, он был полон музыки и страсти. Кто-то принес кокаин, и когда он в первый раз вдохнул волшебный порошок, то ощутил себя жеребцом-производителем. Брайана просто затрясло мелкой дрожью от желания потрахаться.

— Итак, у тебя родился ребенок, и ты думаешь, что он — мой, — вернулся он к действительности из воспоминаний. — Почему же ты так долго ждала, чтобы рассказать мне о нем?

— Говорю же тебе, поначалу я просто не знала, где тебя искать.

Джейн облизнула губы, жалея о том, что не может выпить прямо сейчас. Она решила, что было бы неумно рассказывать ему о том, что какое-то время ей нравилось разыгрывать из себя жертву, бедную, незамужнюю мать-одиночку. Кроме того, нашлась парочка мужчин, пожелавших облегчить ее участь.

— Я стала участницей программы для девушек, попавших в беду. Одно время я подумывала о том, чтобы отдать ее, ну, ты понимаешь — на удочерение. Но после того, как Эмма родилась, я поняла, что не смогу этого сделать, потому что она — твоя копия. Я подумала, что если отдам ее, то ты узнаешь об этом и разозлишься на меня. И испугалась, что ты не дашь мне второго шанса.

Джейн заплакала крупными горячими слезами, которые тут же испортили ее чрезмерно густой макияж. Выглядели эти слезы безобразно и казались тем более не к месту из-за того, что были искренними. — Я всегда знала, что ты вернешься, Брайан. Я начала слушать твои песни по радио, я видела все твои постеры в магазинах грампластинок, — шмыгала она носом. — Ты шел своей дорогой. Я всегда знала, что ты добьешься успеха, но, господи, я и представить себе не могла, что ты станешь настолько крутым. Ну, я и стала подумывать...

— Еще бы, — пробормотал Джонно.

— Я начала думать, — процедила она сквозь зубы, — что ты захочешь узнать о том, что у тебя есть дочь. Сходила туда, где ты жил раньше, но ты переехал, и никто не мог сказать мне, куда именно. А я думала о тебе каждый день. Смотри. — Взяв его за руку, она указала на фотографии, которыми были увешаны стены квартиры. — Я вырезала все, что могла найти о тебе, и оставляла себе на память.

Брайан посмотрел на самого себя, воспроизведенного дюжину раз, и его едва не стошнило.

— О господи...

— Я позвонила в твою фирму звукозаписи, — продолжала Джейн, — и даже сходила туда, но они обошлись со мной как с пустым местом. Я сказала им, что являюсь матерью маленькой дочери Брайана Макэвоя, но меня вышвырнули вон. — Она не стала добавлять, что была пьяна и набросилась на администратора. — А потом прочла о тебе и Беверли Уилсон и впала в отчаяние. Я знала, что она не может ничего для тебя значить, во всяком случае после того, что было между нами, но мне по-прежнему нужно было поговорить с тобой.

— Позвонить Бев на квартиру и орать как сумасшедшая было не лучшим решением, — отвернулся он.

— Я должна была поговорить с тобой и заставить выслушать меня! Ты ведь не знаешь, что это такое, Бри, когда сходишь с ума из-за того, что тебе нечем заплатить арендную плату и не на что купить еды. Я больше не могу купить себе красивое платье или сходить куда-нибудь вечером.

— Итак, тебе нужны деньги, — констатировал Брайан.

Она колебалась мгновением дольше, чем нужно.

— Мне нужен ты, Бри. И был нужен всегда.

Джонно потушил сигарету о поддон пластмассового цветка.

— Знаешь, Бри, пока мы слышали одни лишь разговоры об этой малышке, но до сих пор не видели ее. — Выпрямившись во весь рост, гитарист привычным движением откинул назад свои блестящие темные волосы. — Готова расколоться? — испытующе взглянул он на мать ребенка.

Джейн одарила его ненавидящим взглядом.

— Эмма в спальне. Но всей вашей банде там делать нечего. Это касается только Брайана и меня.

Джонно ухмыльнулся ей прямо в лицо:

— У тебя всегда лучше всего получалось в спальне, верно, дорогуша? — На мгновение взгляды их встретились. В глазах обоих явственно читалось отвращение, которое они всегда испытывали друг к другу. — Бри, — повернулся Джонно к лидеру группы, — одно время она и впрямь была первоклассной шлюхой, но сейчас превратилась во второсортную потаскуху. Может, будем заканчивать этот бред?

— Ты — грязный педик! — Джейн рванулась к нему, но Брайан успел обхватить ее за талию. — Да ты бы не знал, что делать с настоящей женщиной, даже если бы она укусила тебя за член.

Он продолжал улыбаться, но глаза его обрели ледяной отблеск.

— Хочешь попробовать, милашка?

— Как приятно осознавать, что я всегда могу положиться на твое благоразумие, Джонно, — проворчал Брайан, разворачивая Джейн лицом к себе. — Ты сама сказала, что это наше дело. Ну так пускай оно таким и останется. Я должен взглянуть на девочку.

— Им двоим я ее не покажу. — Она злобно покосилась на Джонно, который лишь пожал плечами и достал очередную сигарету. — Только тебе.